

**Охрана культурного наследия в России XIX в.:
формирование опыта взаимодействия
церкви, гражданского общества и государства
в сфере музеефикации исторических и культурных ценностей**

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируется процесс формирования гражданских инициатив в сфере охраны культурного наследия России в XIX в. Отмечается, что несмотря на приоритет в культуроохранных инициативах со стороны органов государственной власти, в XIX в. активизировалось взаимодействие государства с церковью и просвещенной общественностью. Акцентируется внимание на явлениях, препятствующих развитию данного взаимодействия, таких как незрелость гражданских институтов, научный регионализм и епархиальный сепаратизм. На основании анализа подчеркивается усиление роли института церкви в системе российской государственности в первой половине XIX в., определяющее проклерикальный уклон государственной политики в отношении культурного наследия, который соответствовал задачам воспроизводства и сохранения монархии как политического института и историко-культурного мифа.

Ключевые слова: охрана культурного наследия; государственная политика; церковь; гражданское общество; реформы; реакция; клерикализация; музеефикация.

В XVIII в. культуроохранные инициативы большей частью рождались на вершине вертикали власти, а вектор их осуществления был преимущественно управленческим, однонаправленным по линии организации и контроля сверху вниз. Нижние точки вектора соответствовали действию исполнителей, отвечавших за реализацию государственной воли и далеко не всегда проявлявших добросовестность. Более того, часто имело место пренебрежение к государственной воле, даже саботаж.

В XIX в. ситуация изменилась. Четко проявилась следующая тенденция: русское общество стало само продуцировать культуроохранные инициативы. На наш взгляд, эта тенденция явилась плодом рассчитанной на долгосрочный

эффект петровской, просвещенческой по духу и авторитарной по форме, реформы институтов церкви и государства, в результате которой болезненному реформированию подверглись не только государственная администрация и церковное управление, но и все пласты русского гражданского общества. Считаем, что, вопреки широко распространенной негативной оценке, петровская реформа, на наш взгляд, привела к выявлению и исторически-восходящему проявлению духовных и душевных сил русского общества.

Благодаря этим процессам, протекавшим иногда в латентной форме, имело место расширение содержания культурного творчества и нарастание его потенциала в русском обществе.

Столетняя реформа вывела его за границы средневекового национально-замкнутого существования «на широкую дорогу вселенского подвига и вселенской ответственности» [1, с. 154]. Просвещение по-русски в XVIII в. было ее «общим историческим созреванием», которое предвосхитило непреходящие достижения русской культуры века XIX. В XVIII в. был практически с нуля создан базис для механизма индивидуальной, общественной и государственной самоактуализации в пространстве европейской культуры, для взаимодействия с западными партнерами, смотревшими на Московское царство сверху вниз, «опираясь на свое научно-культурное превосходство». С этой точки зрения революционную реформу Петра можно назвать благодетельным страданием, пережитым русским обществом.

Еще в начале XIX в. стали поступать культуuroохранные инициативы от губернских и даже местных властей. Так, в 1819 г. смоленский губернатор обратился к согражданам с призывом собирать информацию о предметах и объектах, которые могут представлять историческую и художественную ценность. Губернатор констатировал, что многие исторические доказательства древних происшествий спустя ряд столетий оставались в забвении. Такие высказывания позволяют предположить, что положение дел в сфере охраны культурного наследия на губернском уровне может быть расценено как удручающее.

Обратим внимание на следующее обстоятельство: губернатор возлагал особые надежды на духовенство как на сословие, представители которого пользуются доверием и уважением губернского общества. Кроме того, он рассчитывал, что священники «ведают все места, все урочища земли» [2, с. 17—18]. Поэтому именно к «почтеннейшему

духовенству» было направлено предложение собрать и переслать губернатору сведения о найденных рукописях, надгробных камнях и прочих объектах, имеющих историческое значение. В отношении старых храмовых строений губернатор распорядился «сделать описание, когда и кем воздвигнуты они и по какому случаю, что имеют у себя отличительного и любопытного и в каком теперь положении» [2, с. 17—18]. Отметим, что духовенство было призвано к культуuroохранному сотрудничеству с губернскими властями и гражданским обществом. Причем исходя из обращения губернатора можно заключить, что в данной инициативе имеет место принципиально новый подход к целеполаганию. Речь идет о новом взгляде на сущность и назначение культурного наследия. Сиюминутные, прагматичные нужды власти, для обеспечения которых необходимо использование культурных объектов, уже не выступают на первый план. В первую очередь *рассматривается гуманитарная, а не политическая перспектива сбережения исторических и культурных памятников для будущих поколений.*

В XVIII в. интерес к памятникам старины стали проявлять и частные коллекционеры. Одним из первых коллекционеров предметов старины был Феофан Прокопович. Он собирал научную библиотеку, преимущественно из заграничных книг, затрачивая на нее крупные суммы денег либо «выпрашивая» у государя редкие экземпляры, обнаруженные в библиотеках завоеванных прибалтийских городов.

Следует признать, что государственные и духовные чины часто использовали служебное положение для собственного обогащения. Например, губернатор Новгорода присвоил сокровища из ризницы Кириллова монастыря [3]. Начальники

сибирских городов Томска и Красноярска отправляли вольные отряды из местных жителей на раскопки курганов при условии, что «десятую часть найденного ими золота, серебра, меди, камней и пр.» они должны были отдать. Обнаружив археологическую ценность, «отряды эти разделяли добычу между собою и при этом разбивали и разламывали изящные и редкие древности с тем, чтобы каждый мог получить по весу свою долю» [4, с. 32, 34].

Собирательство чаще всего осуществлялось стихийно, бессистемно. В частности, митрополит Филарет в труде «О средствах и препятствиях сохранности церковных древностей и рукописей в церквях и монастырях» сообщает, что в 1775 г. в ведомстве князя Г. А. Потемкина «осела» часть ценностей из ризницы Чудова монастыря, причем после смерти князя лишь некоторые из них были найдены и возвращены в монастырь. Вопиющее небрежение проявлено к бесценному артефакту XI в. — Остромирову Евангелию. Оно было изъято из ризницы Софийского Собора Новгорода для демонстрации Екатерине II, затем «попало в гардероб» к императрице, а после ее смерти оказалось в частных руках [5, с. 455—456]. По прошествии значительного времени А. Н. Оленин преподнес Евангелие Александру I и выразил желание передать его в Императорскую библиотеку.

Известен случай, произошедший с Изборником великого князя Святослава Ярославича. Первый пергаментный лист был украден археологом, а после его смерти — найден и передан в Императорскую библиотеку.

Митрополит Филарет сообщает, что в результате деятельности агентов канцлера Н. П. Румянцева, разыскивавших для его коллекции древние рукописи, из монастырей пропало несколько архивных тетрадей. Таким образом,

инициатива отдельных граждан часто носила характер банального стяжательства. Однако в этот же период были образованы первые институции, канализирующие в своей деятельности, с одной стороны, политические интересы государства, с другой стороны, гражданскую инициативу (в частности, археологические и исторические общества).

Вместе с тем в политике Св. Синода продолжали доминировать подходы, выработанные в XVIII в. Синод проявлял минимум внимания к политической, исторической и художественной ценности церковного имущества, выражал готовность распространять охранительные практики исключительно на объекты, обладающие духовной или имущественной ценностью. Так, в соответствии с Положением Комитета Министров 1826 г., поновление приходских церквей по правилам архитектуры оставлено «на попечении и ответственности прихожан; со стороны же местного духовного начальства зависит только, что по устройении церквей внутренние и наружные украшения и прочие части соответствовали постановлениям о сем, в правилах Соборных и предписаниях из св. Синода изложенных» [6, с. 66]. Такой подход был скорректирован лишь в некоторой степени следующим решением: специалистам в области строительства давалось право инициировать изменение планов строительства и ремонта церквей [7]. Откровенное небрежение Св. Синода к художественной и исторической ценности церковного имущества приводило к уродованию облика древних церквей по причине «нелепых пристроек и своенравных перестроек попа и старосты вместе с комиссиею строения» [8, с. 364]. В результате, по свидетельству А. С. Хомякова, многие московские храмы были «испорчены усердием православных, вечно пристраивавших приделы» [9, с. 79].

Инициатива в культуроохранной деятельности оставалась на стороне светских органов государственной власти. В частности, в 1827 г. Министерство внутренних дел обратилось к обер-прокурору Синода с указанием «дать <...> подведомственным местам и лицам предписания как о воспрещении разрушать оные здания», так и об оказании содействия светским властям [10, с. 68—69]. Это распоряжение следовало за Циркуляром Министерства внутренних дел для гражданских губернаторов «О доставлении сведений о памятниках архитектуры и о воспрещении разрушать их» [11].

Первый Строительный устав 1832 г. кодифицирует централизацию управления в сфере ремонта и строительства церквей: епархиальные архиереи вправе перестраивать и ремонтировать церкви, но с веденя Министерства внутренних дел и в соответствии с планами, утвержденными «Комиссией для строений Москвы» и Санкт-Петербургским строительным Комитетом. В 1857 г. одна из статей Строительного устава была дополнена запретом «приступать без высочайшего разрешения к каким-либо обновлениям в древних церквах и во всех подобных памятниках» [12, с. 204] и императивом, в соответствии с которым «как наружный, так и внутренний вид церквей должен сохраняться тщательно и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти не дозволяются» [12, с. 204]. Эти изменения были отражены и в Синодальном Указе от 31 декабря 1842 г., разрешающем перестройку церковных строений под надзором епархиальных архиереев и только после утверждения плана Синодом [13].

Однако данные нормы в большинстве случаев нарушались, поэтому в 1865 г. Александр II изменил Устав

строительный и Устав духовных консисторий, разрешил епархиальным архиереям перестраивать приходские и кладбищенские церкви. Исключительные правила вводились лишь для церквей Санкт-Петербурга и храмов, построенных «не позже начала осмнадцатого века или хотя и не древние, но замечательные по зодчеству или историческим воспоминаниям» [14, с. 121].

В XIX в. были введены уголовные санкции за небрежительное отношение к церковным ценностям. Правонарушение, связанное с посягательством на церковное имущество, названо святотатством. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 1852 г. предусматривало не только наказание за взлом церкви и кражу церковного имущества (каторжные работы на срок от 10 до 12 лет), но и санкции за ремонт церкви без разрешения «надлежащего начальства» (штраф от 20 до 100 рублей) [15, с. 226—231].

Не только архитектурные сооружения, но и произведения живописи гибли из-за того, что представители церковных властей не заботились о сохранности художественных ценностей. Священнослужители, как правило, не испытывали особого уважения к древней живописи. При посещении Кирилло-Белозерского монастыря М. П. Погодин просил оберегать раннюю стенную живопись, но архимандрит ответил: «Вы, историки, судите по-своему, а богомолы по-своему — вы любите ветхости, а те относят их к нерядению настоятелей» [16, с. 208].

Художник и коллекционер икон И. С. Остроухов подметил, что мечтой любого провинциального священника было обновление храма: замена старых предметов церковного обихода и убранства на новые [17].

Уже в 1842 г. Николая I осведомили о том, что «в некоторых древних соборах древняя живопись на стенах заменяется

новой и вообще не сохраняется как следует». Ответной реакцией государя был приказ Св. Синоду «принять надлежащие меры, чтобы вообще древний, как наружный, так и внутренний, вид церквей сохраняем был тщательно, не допуская никаких произвольных поправок и перемен без ведома высшей духовной власти» [12]. Синод, в свою очередь, издал указ о запрещении производить перестройку и заменять древнюю роспись старинных церквей [13]. Указ предписывал предоставлять планы по ремонту всех «церковных памятников древности» «на предварительное рассмотрение Святейшего Синода с приложением подлежащих описаний и чертежей» [13, с. 288].

Этот период ознаменовался первой дискуссией (короткой, но острой) между ревнителями культуры и истории, а также сторонниками централизации государственного управления в сфере охраны культурного наследия, с одной стороны, и апологетами церковного, ортодоксального подхода — с другой. В наиболее категоричных оценках «духовенство выступало как отъявленный враг старины», который присвоил себе «право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников» [18, с. 295—296]. Одним из примеров «упорства в консерватизме» является сопротивление митрополита Филарета реставрации фресок Успенской церкви Киево-Печерской лавры в 1844 г. Филарет аргументировал свою позицию тем, что «открытие и возобновление древней живописи здешнего собора повлечет староверов к поощрению в их лжемудриях» [19, с. 417]. Обращает на себя внимание тот факт, что Николай I, аргументируя свое решение разрешить реставрацию, апеллирует к западному опыту охраны культурного

наследия. Государь указывает: «Теперь в Европе дорожат малейшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можем ли думать, что оказываем предпочтение староверам. Вздор» [19, с. 417]. Новые подходы, ориентированные на задачу сохранения церковных ценностей, отражены в серии указов Николая I, изданных в 1820-е гг. В указах также есть формулировки, обращающие внимание на желание монарха оставаться русским, но следовать европейскому опыту.

Вместе с тем возрождение национальной — народной и православной — монархии сопровождалось, с одной стороны, активизацией реставрационной деятельности, с другой стороны, практически бесконтрольной распродажей предметов церковного искусства. Церковная утварь, выходящая из употребления, списывалась и отправлялась в лом. Духовные власти в этот период неохотно сотрудничали со светскими властями и гражданским обществом. Как отмечал И. Я. Билибин в статье «Народное творчество русского Севера», «десятки старых церквей приговариваются к уничтожению, как ненужный хлам» [20, с. 33] после посещения их архиереем. Так, в 1877 г. во Владимирской епархии была «отремонтирована» старинная Церковь Покрова на Нерли: фрески были записаны масляной краской, а с внешней стороны храм был обшит железом. Показателен также факт, приведенный журналом «Исторический вестник»: в Воронежской губернии в гроб священника положили старинное евангелие, изданное при Алексее Михайловиче, потому что новое издание пожалели [21, с. 280]. Современники отмечают, что основной причиной пренебрежения древними церковными ценностями по-прежнему оставалась необразованность духовенства.

С 1844 г. в государственной политике появилось направление, реализующее историко-культурное просвещение духовенства. В Московской духовной академии стал преподаваться курс церковной археологии. В 1869 г. в духовных учебных учреждениях открылись кафедры археологии и литургии. Но программа преподавания церковной археологии была одобрена Св. Синодом только в 1915 г. Однако, поскольку археология преподавалась вместе с литургией, на практике было распространено частичное замещение этого предмета с целью получить возможность более обстоятельно изучать литургию [22].

Образовавшиеся в России XIX в. археологические общества уделяли особое внимание охране археологических памятников. Председатель Совета Второго съезда археологических обществ просил министра просвещения обратиться к императору с просьбой «обязать епархиальные власти, чтобы они не иначе приступали к поправкам, переделкам и уничтожению памятников, как по соглашению с одним из ближайших к месту их нахождения археологическим или историческим обществом» [23, с. 159]. Съезд инициировал составление Определения Синода от 20 декабря 1878 г. — 9 января 1879 г. «О запрещении переделывать и разрушать архитектурные исторические памятники, находящиеся в ведении епархии». Синод также признал, что ремонт церкви Покрова на Нерли произведен «в нарушение вышеприведенных законов и распоряжений». Кроме того, высший орган духовной власти указал органам управления епархии на необходимость взаимодействия с гражданским обществом в деле сохранения церковных ценностей. Епархиальному управлению было предписано на планирование ремонта или сноса церковных сооружений получать

согласие близлежащего археологического или исторического общества [24, с. 114]. Для инспектирования состояния церковных памятников была создана комиссия при Московском археологическом обществе. Комиссия проводила среди прочего и просветительскую работу с духовенством и местным населением, убеждая «в необходимости сохранить и поддерживать памятник в том виде, в котором он сохранился до нашего времени» [25]. Однако конструктивному взаимодействию епархиальной власти и научных обществ препятствовало отсутствие навыков делового общения, взаимного уважения и общих подходов к оценке состояния и целям охраны памятников [26, с. 333—335].

Во многих епархиях Определение Синода и мнение археологических комиссий игнорировались. 8 марта 1887 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов вынужден был обратиться в Комитет министров с просьбой подтвердить указы об охране памятников старины от самочинного ремонта и разрушения. Свою просьбу министр сопроводил констатацией, что «не только в отдаленных местностях памятники древнего зодчества подвергаются переделкам и уничтожению, но даже в центральных местностях, вблизи Москвы, памятники эти не охраняются как бы следовало» [26, с. 130]. Так, в 1882 г. комиссия, созданная Санкт-Петербургским, Русским и Московским археологическими обществами, освидетельствовала одно «из самых замечательных и пользующихся всемирной известностью памятников искусства» — Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове, в которой производился ремонт, и пришла к выводу, что органы епархиальной власти пренебрегают Определением Синода: «...все эти работы производятся при совершенном отсутствии технического

и художественного руководства, вследствие чего крайне обезображивается внешний вид древнего храма» [23, с. 167].

В связи с этим показательна постановка вопроса об учреждении «Комиссии о сохранении исторических памятников». Министерство финансов не дало разрешения на создание данной Комиссии, ссылаясь на отсутствие средств. Поэтому министр народного просвещения признал полезным испросить высочайшего соизволения государя о подтверждении (для всех правительственных органов и лиц) неуклонно соблюдать требования Устава строительного: «не позволять никаких произвольных поправок и перемен без ведома высшей духовной власти» [27, с. 29]. Археографическая комиссия, в свою очередь, в 1894 г. настояла на том, чтобы Синод вновь издал Определение «О необходимости безусловного выполнения указа о порядке реставрации памятников древности» [23, с. 122—129]. Однако вскоре после принятия Определения комиссия информировала, что оно «соблюдается не всеми духовными властями», и просила Синод оказать содействие в контроле за его исполнением. Впоследствии приоритетное право на разрешение реставрационных работ в церквях получила Императорская археологическая комиссия (также по Определению Синода). Однако это вызвало раскол в научных кругах: Московское археологическое общество, стремясь сохранить Московскую региональность, обратилось к императору через великого князя Константина Константиновича с ходатайством «о даровании Императорскому Московскому археологическому обществу законных оснований для сохранения и восстановления древних памятников в местностях, ближайших к Москве, именно в районе Московского учебного региона» [28, с. 46]. Таким

образом, взаимодействию церкви и научной общественности мешал, с одной стороны, научный регионализм, с другой стороны, епархиальный сепаратизм на всех уровнях церковного управления — от Св. Синода, стремившегося к автономии и не желавшего подчиняться государственным законам, до архиереев и приходских священников.

Прямые коммуникации между церковью и культурными и научными учреждениями и сообществами развивались медленно и, как правило, носили единичный и частный характер. Известно, что священники, стремясь заменить старое церковное убранство новым, продавали древние храмовые предметы музеям. Так, Исторический музей Москвы приобрел у одного из храмов Нижегородской губернии несколько ценных предметов, подаренных храму женой и сыном Д. Пожарского [29].

Епархиальная власть и приходское духовенство продолжали чинить препятствия гражданскому обществу, а Св. Синод занимал позицию игнорирования такого рода фактов. Епархиальная власть всячески пыталась освободиться от притеснявшей опеки археологических комиссий. Епископы инициировали внесение соответствующих их интересам изменений в законодательство. Так, в 1908 г. один из архиепископов ходатайствовал о получении прав «на перестройку и ремонт древних церквей по бедности и без требуемых ныне сношений» с Археологической комиссией (а также просил изменить законодательство). Однако эта инициатива не могла быть удовлетворена Синодом, поскольку прямо противоречила действующему законодательству [23, с. 236—237].

Вместе с тем в конце XIX — начале XX в. усилились позиции церкви в системе российской государственности. *Статус посредника в отношениях между*

монархом и русским народом гарантировал церкви защиту со стороны государства во всех ситуациях, когда научное сообщество посягало на имущественные или иные (духовно-идеологические) позиции церкви. В Российской империи церковные организации имели правоспособность юридического лица и владели своим имуществом на правах собственности [30, с. 413]. Поэтому объектом охраны для археологических или исторических обществ было имущество церкви, юридический статус которого находился под защитой государства.

Показательными в связи с этим считаем следующие события. 8 апреля 1908 г. председатель Императорского Московского археологического общества графиня П. С. Уварова инициировала изъятие у приходов предметов церковной старины и передачу их в государственную собственность. Эта инициатива носила революционный характер и сопровождалась обращением к духовенству. Обращение П. С. Уваровой содержало обвинения в адрес духовенства. Священнослужители обвинялись в расхищении и распродаже «драгоценнейших памятников русской святыни, искусства и сердечной веры предков наших в неприкосновенность на вечное время вкладов их в храм Божий на помин души» [26, с. 228]. Весомым поводом для таких обвинений стали злоупотребления, совершенные архиепископом Смоленским Петром. Он пренебрег запретами Синода: часть памятников из древлехранилища роздал церквям и духовным семинариям, а часть продал или уничтожил. Свои действия архиепископ оправдывал необходимостью освободить помещение под монашеское жилье. Уварова утверждала, что деяния Петра — лишь один из множества примеров небрежения духовенства к культурному наследию. Именно поэтому

верноподданная молила императора: все иконы, ризы и оклады из церквей, соборов и монастырей объявить «государственной собственностью без права какого-либо отчуждения, со строжайшей ответственностью всех причастных, начиная с местных преосвященных, за нарушение этого закона» [26, с. 228]. На письме, полученном от П. С. Уваровой, император начертал: «Заслуживает серьезного внимания» [26, с. 228].

По распоряжению Николая II, Обращение П. С. Уваровой обсуждалось Советом министров. Оно было признано «не подлежащим исполнению» ввиду отсутствия уважительных оснований для обвинения. Совет министров признал действия архиепископа Смоленского случайными. Гофмейстер Извольский решительно встал на защиту репутации и собственности церкви, заявив, что «высшая церковная власть очень строго относится к делу охранения памятников русской святыни».

Инициатива также была отвергнута министром юстиции и обер-прокурором кассационного департамента Сената как сводящаяся, «в сущности, к отобранию у церкви издревле и на законном основании приобретенного ею имущества <...> объявление государственной собственностью священных предметов и церковных древностей, принадлежащих монастырям, соборам и церквам, явилось бы нарушением коренного начала действующего законодательства <...> строго охраняющего неприкосновенность частной собственности» [26, с. 229]. Министр настаивал, что «запрещение всякого отчуждения этих предметов установило бы существенное ограничение гражданских прав» собственников, «фактически обратя последних из собственников исторических памятников в безвозмездные, ответственные хранители оных» [26, с. 231].

Следует отметить следующее немало-важное обстоятельство: церковь в России имела государственный статус и являлась ключевым политическим институтом в системе политического устройства. Церковь составляла с государством партнерский тандем при осуществлении государственной политики, при поддержке идеологии, при воспроизводстве политической власти, нормативных и культурных основ политической системы. *Она была не только неотъемлемой, но и второй базисной частью всей российской государственности. Поэтому во взаимоотношениях церкви с гражданским обществом государство занимало специфическую позицию.* Это была не позиция законодателя, утверждающего общие нормы, и не позиция арбитра — беспристрастного судьи в бесчисленных спорах. В первую очередь государство защищало имущественные права церкви, обеспечивая неприкосновенность «издревле и на законном основании приобретенного ею имущества» [26, с. 229].

Поэтому деятельность культуроохранных обществ была столь неэффективна. Ни государство, ни церковь не могли допустить изъятия церковного имущества или десакрализации икон и иных культовых объектов. Более того, государственная политика была в большей степени проклерикальной, чем прокультурной, поскольку именно такая позиция соответствовала интересам воспроизводства и сохранения монархии как политического института и историко-культурного мифа.

В начале XX в., несмотря на сопротивление церкви, научные организации продолжали проявлять инициативу по охране культурного наследия. В августе 1908 г. XIV Археологический съезд предложил «Меры к охранению памятников старины», в которых предусматривались санкции за искажение или

уничтожение памятников, причем предлагалось не делать исключений священнослужителям.

Однако подходы, основанные на миссионерском понимании назначения религиозных святынь, оставались неизблennyми. Церковь активно лоббировала неприкосновенность своего имущества, защищая свои имущественные позиции. При этом она не только препятствовала развитию культуроохранных инициатив, но и добивалась пересмотра законодательства. В 1909 г. Межведомственная комиссия разработала проект Положения «Об охране древностей». При этом представитель Ведомства православного исповедания предлагал изъять из проекта Положения церковные памятники древности, вывести их из поля правового регулирования, ссылаясь на их «органическую особенность». Представители Государственного контроля поддержали предложение, однако Н. В. Плеве назвал такой подход абсолютно неприемлемым и справедливо заметил, что законодательство об охране памятников в данном случае неприменимо, так как объективно «подавляющее большинство русских древностей должно быть отнесено к числу церковных» [23, с. 241]. Наряду с этим Н. В. Плеве предостерегал от дифференциации памятников на основе их принадлежности / непринадлежности церкви, поскольку это может привести к необходимости разделения самого правового поля. Руководитель работы над проектом С. Е. Крыжановский высказал следующий весомый аргумент: «Нельзя также упускать из виду, что весь вопрос о необходимости скорейшего принятия мер к охране древностей возник и развивался преимущественно на почве фактов, свидетельствовавших и, к сожалению, свидетельствующих и поныне о том, что церковные древности гибнут и расхищаются и вообще остаются без должной охраны» [23, с. 241].

Вместе с тем в дискуссии прозвучали и аргументы в защиту позиции церкви. Наиболее содержательно и последовательно отстаивал их председатель Комиссии по описанию синодального архива академик А. И. Соболевский. Он представил институт церкви как жертву, неспособную защитить свои имущественные права от посягательств. Акцентируя внимание на игнорируемых Межведомственной комиссией заслугах церкви в собирании и защите древних рукописей, он заключил: «Если уже теперь власти православной церкви нередко смущаются и возмущаются натиском на них ученых и неученых археологов, которые требуют внимания их ко всем своим заявлениям, что же будет тогда, когда “специалисты” по живописи и пр. почувствуют себя господами положения и начнут хозяйничать по-своему в храмах и ризницах?» [31, с. 947].

Государство в итоге соблюдало осторожность, максимально ограждая имущественные права церкви от посягательств. В Положении большинство вопросов по охране церковных памятников нормировались не в статьях, а в приложениях к ним. Например, статья 13 предписывает производить перестройку древних зданий по предварительному согласованию с Комитетом. В примечании к ней указывается, что норма распространяется на «вообще все церкви и часовни, построенные до 1725 г.» Статья 27 предписывает взять объект под охрану, внести в регистрационный список, составляемый местными охранными учреждениями и утверждаемый Комитетом. Однако в примечании оговаривается, какие действия надлежит производить, если под охрану берется церковный памятник.

Таким образом, *правительство исключительно бережно относилось к правам православной церкви, старалось*

не ограничивать не только имущественные, но и неимущественные права на церковные памятники, не поднимая вопроса о неспособности церкви обеспечить тот уровень охраны культурного наследия, которого требовало гражданское общество.

Научные и художественные общественные организации реагировали на содержание Положения с подозрением. Деятельность Синода по охране церковных памятников воспринималась ими крайне негативно, что связано также с недооценкой государством и церковью такого аспекта культурного наследия, как авторское право. В первых сводах норм авторское право в России рассматривалось как разновидность права частной собственности. Причем интересы приобретателей авторского права — издателей, коммерсантов, церкви — защищались государством наравне с интересами самого автора. Такой подход к охране авторского права не соответствовал в полной мере духу *Droit d'auteur* — концепции, утверждающей не только имущественные привилегии, но и всю полноту прав автора и по сути являющейся «декларацией прав гения». Гений, творец не был осью, системообразующим элементом авторских прав в России. Так, в 1887 г., при очередном издании постановления о праве собственности на произведения наук, словесности, художеств и искусств были перенесены в XX том, часть I Свода Законов Российской Империи в качестве приложения к примечанию 2 к статье 420. Таким образом они отделились от Устава Цензурного. Примечание 2 к статье 420 гласило: «Право собственности на произведения литературы и художеств, принадлежащее самим авторам сих произведений, их наследникам или лицам, коим оно передано теми или другими, называется собственностью литературною или художественною,

а право собственности на произведения музыкальные — собственностью музыкальной» [32, с. 42—43]. По мнению С. А. Белячкина, «собственнический» подход к авторскому праву в XIX в. стал фактором зарождения и развития предпринимательства и капиталистических отношений в сфере издательской деятельности, торговли произведениями литературы и искусства [33].

Итак, в России авторское право не было глубоко, тесно и сущностно соотнесено ни со смыслом и содержанием прав и свобод граждан, как в Европе, ни с пониманием социумом и государством общественных интересов, связанных с развитием культуры и техники, как в США. Методологический подход, который применялся для рассмотрения содержания авторского права, лежит в рамках камералистики, причем в той ее части, которую принято называть полицейстикой, поскольку государственная политика в области авторского права в России долгое время была полицейской, а авторское право — неотделимым от цензурного. Показательно в этом отношении, что авторы в XIX в. охарактеризовывали авторское право в экономических терминах и рассматривали его, как правило, в рамках экономических взаимоотношений как имеющее смысл и проявляющее свое содержание только в этой области. В соотнесении с понятием авторского права не затрагивались проблемы других прав и свобод, понятия гражданства и свободы творчества. Проблемы культуры и общественных интересов, претензии общества на доступ к культурным ценностям также оставались на периферии общественной рефлексии авторского права. А в ее центре — имущественные интересы субъектов, задействованных в авторско-правовых отношениях, и политэкономические интересы государства.

Посредством норм авторского права государство, прежде всего, ограждало свои экономические интересы и интересы церкви от посягательств других субъектов. Безусловно, авторское право в России в XIX в. было политико-правовым. Однако можно говорить о том, что оно представляло собой политэкономический и полицейский феномен, содержание которого отражало полицейскую сущность внутренней политики государства. Эти особенности авторского права в полной мере отразились в нормах рассматриваемого Положения «Об охране древностей».

По поводу ситуации, складывавшейся в сфере эксплуатации и охраны церковных памятников, резко высказалось Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В частности, Синод был обвинен в том, что он «усматривает во всяком вмешательстве светской власти в предмет его ведения посягательство на его духовную власть. Власть эту св. Синод охраняет чрезвычайно ревниво, держась далеко не оправдывающегося на деле убеждения, что лучшими охранителями церковной старины являются епархиальные учреждения. Практика показывает, однако, как мало это мнение отвечает истине. Мартиролог отечественных церквей слишком известен, чтобы останавливаться на бесчисленных примерах самого невежественного пренебрежения и вандализмов, допускаемых священниками и епархиальными учреждениями по отношению именно ко вверенной их охране старине» [34, с. 176].

Вместе с тем высшая духовная власть признавала, что в монастырях и церквях «целые столетия хозяйничала рука хищников и невежд, разносивших старинные сокровища по разным коллекциям или безжалостно их уничтожавших» [25]. Однако данные эпизоды

не рассматривались как носящие системный характер, напротив, декларировалась задача создать собственное компетентное учреждение — духовный орган — для контроля за сохранением церковных памятников, чтобы «оградить церковную власть от нареканий, которые сыплются на нее со стороны светских ревнителей русской старины» [25]. Эта задача так и осталась невыполненной.

Литература

1. **Карташев А. В.** Церковь и государство // Православие в жизни: сб. статей / Под ред. проф. С. Верховского. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. С. 152—190.
2. **Евгений, митрополит [Болховитинов].** Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Воронеж: Воронежск. губ. стат. комитет, 1868—1872. 137 с.
3. **Слезкинский А. Г.** Кириллов монастырь (Из экскурсий в окрестности Новгорода) // Исторический вестник. 1901. Октябрь — декабрь. С. 706.
4. Из соч. Ф. И. Страленберга: Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, 4 // Материалы по археологии России. 1891. № 5. С. 24—52 прилож.
5. **Филарет (свт., митр. Московский).** Записка митрополита Московского Филарета о средствах и препятствиях сохранности церковных древностей и рукописей в церквах и монастырях // Оснадацатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 1. М.: Тип. Т. Рис, у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1868. С. 453—464.
6. 1826 г. марта 9. Из Высочайше утвержденного положения Комитета министров «О правилах устройства церквей». № 53 // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 64—67.
7. Охрана памятников истории и культуры: сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М.: Сов. Россия, 1973. 192 с.: табл.
8. **Барсуков Н. П.** Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. Кн. 2. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1889. VIII, 420 с.
9. **Хомяков А. С.** Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 8: Письма. М.: Университ. тип., 1900. 480 с.: 58 с. прил.
10. 1827 г. января 7. Отношение управляющего Министерством внутренних дел к обер-прокурору св. Синода с просьбой направить распоряжения о воспрещении разрушать древние здания // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 68—69.
11. Указ именной, объявленный гражданским губернаторам управляющим Министерством внутренних дел «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» от 31 декабря 1826 г. № 794 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 1: с 12 декабря 1825 по 1827. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 1373—1374.
12. **Диканский М. Г.** Русское строительное законодательство: Систематическое изложение строительных законов и обязательных постановлений с Сенатскими решениями и комментариями. Пг.: Издание Т-ва Н. П. Карбасникова, 1918. 294 с.
13. Синодский указ по Высочайшему повелению «О неприступании к обновлению древних церквей без Высочайшего разрешения» от 31 декабря 1842 г. № 16401 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 17, отд. 2: 1842. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1843. С. 288.
14. 1883 г. апреля 9. Из Устава духовных консисторий // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 119—121.
15. Российское законодательство X — XX вв.: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.: ил.
16. **Барсуков Н. П.** Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. Кн. 6. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1892. XII, 402 с.
17. **Остроухов И. С.** О древнерусском искусстве // Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике / Сост. и комм.: Э. П. Гомберг-Вержбинская, Ю. Н. Подкопаева. М.: Искусство, 1963. С. 230—232.
18. **Толстой А. К.** Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Драматические произведения. Избранные письма. М.: Правда, 1980. 592 с.: ил. (Б-ка «Огонек»).
19. **Высочков Л. В.** Николай I. [Изд. 2-е, испр.]. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий).

20. **Билибин И. Я.** Статьи. Письма. Воспоминания о художнике: биография отдельного лица / [Ред.-сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. В. Голынец]. Л.: Художник РСФСР, 1970. 375 с.
21. Смесь // Исторический вестник. 1891. Т. 46: Октябрь. С. 280—287.
22. Церковные ведомости. 1917. № 20—21. С. 135.
23. Охрана культурного наследия России XVII — XX вв.: хрестоматия / Сост. Л. В. Карпова, Н. А. Потапова, Т. П. Сухман. Т. 1. М.: Весь мир, 2000. 528 с.
24. 1878 г. декабря 20 — 1879 г. января 9. Определение св. Синода о порядке производства починков и исправлений памятников старины, находящихся в ведении епархиальных начальств // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. С. 113—114.
25. Церковный вестник. 1894. № 16. С. 248.
26. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедюхина, С. П. Масленицына, Л. В. Шестопалова и др. М.: Отечество, 1997. 396 с.
27. **Золотарева М. В.** Устав строительный первой половины XIX в. и кодификация русского права // Основания, фундаменты и механика грунтов. 2007. № 6. С. 29—31.
28. Протоколы заседаний Императорского Московского Археологического Общества за 1901—1902 гг. // Древности. Труды ИМАО. 1904. Т. 20. Вып. 1. С. 1—58.
29. Церковный вестник. 1898. № 5. С. 149—150.
30. Свод Законов Российской Империи. Изд. неофиц. Т. 10, ч. 1: Свод законов Гражданских: с примеч. и ссылками на позднейш. узаконения и оглавлением. СПб.: Деятель, 1900. 428, XIII с.
31. Мнение председателя Комиссии по описанию синодального архива акад. А. И. Соболевского по поводу думского законопроекта об охране древностей // Церковные ведомости. 1912. Приб. к № 23. С. 943—947.
32. **Канторович Я.** Литературная собственность: С приложением всех постановлений действующего законодательства о литературной, художественной и музыкальной собственности, вместе с разъяснениями по кассационным решениям Сената. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1895. 157 с. (Юридич. Б-ка; № 2).
33. **Беляцкий С. А.** Новое авторское право в его основных принципах. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1912. 151 с.
34. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 3: Национализм и европеизм. М.: Прогресс. Культура, 1995. 478 с.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ.
E-mail: rast-v2012@yandex.ru